

Глава 4. Вечер. Девичьи слёзы.

Аласов узнал её по чётким шагам, не оборачиваясь. Помедлил, ожидая.

— «Он шёл, опустив на грудь голову, полную противоречивых мыслей», — засмеялась Майя, догнав и тронув его руку — жест, свойственный только ей: так ласточки прикасаются к воде, всего лишь на миг, чтобы тут же взмыть. — «Самое поразительное, говорил он себе, что я так и не понял, кем же я теперь руковожу...»

— Правда, не понял, — ответил Аласов, подивившись, как точно она угадала; честное слово, именно об этом он и думал сейчас, пытаясь разобраться в минувшем дне.

Они пошли рядом. Прохладой тянуло по земле. В глубокой предвечерней тишине с другого конца деревни долетал звон железа.

— Мои подопечные, насколько я понимаю, в прошлом году забаву себе придумали — классоводов выживать, — заговорил Аласов. — На лёгкий хлеб в этом классе рассчитывать не приходится. Школа в целом? Что же, вполне образцовая школа, доброй своей славе соответствует... Что улыбаешься? Или не образцовая?

— Образцовая, образцовая, сам увидишь... Ты ведь не на один день к нам?

— Навсегда, Маечка. Если, конечно, на то твоя воля будет...

Майя шутки не приняла. Лицо её построжало и потемнело. Она вдруг сказала с обезоруживающей прямоотой:

— А я бы на твоём месте сюда не приезжала. Нечего тебе здесь делать.

— Загадками говоришь. Как понимать прикажешь?

— У них ведь семья, Серёжа. Дети...

— Какие дети?

— Ну, у Надежды... У Надежды и Тимира Ивановича. Серёжа, разве молодость можно вернуть? И разве у тебя есть право разбивать чужую семью?

Аласов прямо-таки опешил.

— погоди, Майя Ивановна, ты какую-то чушь несёшь. Дети, семья разбитая... Неужели ты вправду думаешь, что я приехал у Пестрякова жену отбивать?

— Не одна я так думаю.

— Ещё лучше! Однако на всех дураков, прости меня... Но ты-то!

— Я видела... — сказала она тихо, — Я ведь видела, как вы сегодня встретились. Какой ты был, когда она вошла...

— Ладно, Майя Ивановна. Хватит мне на сегодня небылиц. «Встретились, вошла»...

— А Лиру, их дочку, ты видел?

— Дочку?

Да, он видел сегодня их дочь. Делая переключку, дошёл до фамилии «Пестрякова».

Перед ним встала из-за парты высокая девочка с полными губами, с кудряшками на висках. Будто сама Надя! Непостижимое чудо природы — столько лет прошло, и вот она снова стоит перед ним — такая же, как тогда у речки под вербами, как в час прощания.

Догадавшись наконец сказать ей «садитесь», он ещё добрую минуту просидел, уставившись в журнал и приходя в себя. «Ты видел их дочь?» — спросила Майя. Ему бы ответить на это какой-нибудь незначащей шуткой, перевести разговор, но он пробормотал:

— Да, видел... Пойми меня, Майя. Я, конечно, думал об этом, когда собирался сюда. Но я и тогда был уверен, и сейчас: всё в конечном счёте пройдёт. Ведь в нас самих этот конфликт давно разрешён. И это главное.

— Ты думаешь, разрешён?

Они шли теперь рядом, ольховой веточкой он сшибал головки засохших репейников. Говорить Майе было нелегко, но отступаться она не хотела.

— Ты думаешь, всё прошло? Конечно, я не судья ей. Но до сих пор не могу понять, что случилось с нею тогда. Надя и Тимир Иванович Пестряков! Даже в шутку нельзя было предположить. Помнишь, как мы над ним потешались — этот шевиотовый костюм, золотые очки... И вдруг в Якутск — я училась тогда в пединституте — доходит слух: Надя с Пестряковым! Я не поверила. Мы ведь с ней подруги были, сколько она мне о тебе, о вашей любви рассказывала! Но я человек прямой, взяла и всё-таки написала ей, как и полагается подруге: мол, представляешь, какая дурацкая сплетня. И не получила ничего в ответ. Приезжаю на каникулы, первым делом бегу к ней. От неё самой правду услышала — всё равно не верю! Она мечется по комнате, всё мне о бедах войны, всё какие-то несусветные глупости: жизнь, дескать, проходит, от Сергея писем нет... Потом вдруг будто взорвалась, глаза злые: «Не лезь, — кричит, — в мою душу, ни в чьих советах я не нуждаюсь». Упала на кровать, заревела в голос: «Поздно, поздно...» Хотела я её успокоить, ерунда, мол, никогда не поздно. Такая я тогда рассудительная дева была! И вдруг вижу на шпалочке кровати — галстук мужской... Висит мужской галстук на её девичьей кровати. Этого самого Тимира Ивановича принадлежность! Действительно, поздно было лезть со своими советами. Ушла я, на том дружба и кончилась. Сколько лет работаем вместе, а друг друга не замечаем. Правда, однажды... Праздник какой-то был, собрались учителя на вечеринку, вино, песни. Надежда Пестрякова в ударе была — уж так она плясала, так распевала! Я вышла во двор, на лавочке присела, гляжу, и она тоже. От вина или ещё от чего, она вдруг ко мне на грудь, с откровениями. А мне не нужны её откровения, для меня она что есть, что нет.

Так прямо и сказала тогда. Может, слишком уж прямо. Она тут как бомба лопнула. Когда дружили, не знала я за Надькой такой психопатии. «Вековуха! — кричит мне. — Старая дева! Теперь поняла, кто из нас прав? Ты видела моих детей? А у тебя что?» Не стала я дальше слушать, поднялась с лавочки и домой. Даже в её словах не «вековуха» поразила — это, в общем-то, верно, вековуха я и есть. Но слышал бы ты, каким голосом она на меня кричала! Тогда и поняла я: не всё для Надежды Пестряковой безболезненно обошлось, не всё прошло. Жжёт её изнутри...

— Нехорошо она, «вековухой»-то, — мрачно заметил Аласов. — Учительница, интеллигентка...

— Да уж интеллигентка... Вслед закричала: «У меня дети, а у тебя Сенькина фотокарточка». Где ей понять, что для меня эта фотокарточка!

Помолчали.

— А ты и вправду... — спросил Аласов осторожно, — ждёшь его до сих пор?

— Глупости, — ответила Майя устало. — Двадцать лет прошло, чего ждать? Иногда меня спрашивают: за столько лет и ничего другого себе не нашла? А я не ищу. Другой мне не нужен. Ни лучше, ни хуже. Никакой!

— Ну, так ли?

— Так! Никакой! И ни-ког-да!

Голос её странно осёкся. В больших глазах стояли слёзы.

— Ты что, Майка?

— Ничего. До свидания, Серёжа. — Она оттолкнула его руку и, повернувшись, быстро зашагала назад.

Он остался на пустынной улице, с болью и недоумением глядя ей вслед. Бедная женщина.

— Гутен абенд! Уже пошли тетрабочки?

С улицы в открытое окно заглядывала Стёпа Хастаева.

— Впряглась в воз... А вы что так, Стёпа, задержались?

— Да Левин. Замучил старик рассказами. Стал вспоминать о первом своём уроке — сто пятьдесят лет назад.

— Заходите, Стёпа.

— Нет, Надежда Алгысовна, что вы. Тороплюсь я. — Хастаева покрутила головой, но тут же пристроила на подоконнике свои книги и тетради, удобно привалилась грудью: — Ну, каково впечатление о наших новеньких? Об этой девчонке Саргыланочке и мистере Аласове?

Надежда Алгысовна безразлично пожала плечами: что можно определить с первого дня?

— Эта столичная девица — ребёнок ребёнком. На днях завожу с ней разговор о том, о сём, отвечает как первоклассница, бекает, мекает. Я ей: а что, дорогая Саргылана, замуж не собираетесь? Ну, как услышала она «замуж», красней брусники стала. Смех! А потом я подумала: может, москвичка-то побольше кого другого повидала, только напускает на себя? Не понимает, дурочка, что на тихонь сегодня спрос невелик!

— Гм, Стёпа... Это уж как понимать. Про вас вот не скажешь, что не бойка...

— Бойка, а в девках, да? — зазвенела всей своей золотой галантереей Стёпа. — Будьте спокойны, Надежда Алгысовна, стоило бы мне только захотеть! Только свистнуть. Подходящего человека нет — вот моя беда. По всем моим исключительно повышенным требованиям...

Хастаева поколебалась — то ли ей обидеться на Пестрякову, то ли продолжать разговор как ни в чём не бывало. Но пока она колебалась, мысль её сама собой перескочила на другую тропинку:

— А что, оказывается, этот Аласов — местный уроженец? Поговаривают — у вас с ним... отношения были?

— Э, в детстве дружили, — неопределённо промолвила Надежда Алгысовна, она уже пожалела, что задержала болтунью.

— И вот чудо — внешне такой интересный мужчина, а холостяк! И это когда вокруг столько современных хорошеньких женщин!

— Наверно, как и у вас, Стёпа, — исключительно повышенные требования, — слабо улыбнулась Надежда Алгысовна.

Печальная эта улыбка не укрылась от Стёпы, она истолковала её по-своему.

— А что, — спросила она жарким шёпотом, чуть ли не влезая в окно. — Скажите честно, Наденька, хорош был? Настоящий мужчина? Стоящий?

— Исключительный, — сказала Надежда Алгысовна, постаравшись вложить в слово как можно больше иронии. — Исключительный мужчина, самый подходящий для вас, Стёпа...

— Подходящий для меня? Это как же понять — похвала или, может, издёвка?

— Похвала, похвала, — поспешила заверить её Надежда. — Ну, ладно, Стёпа, не буду вас задерживать. Вы ведь торопитесь...

— А? Ну, да... — Стёпа поджала свои ярко покрашенные губы. — Заболталась я тут. Всего хорошего, Надежда Алгысовна.

Нищенка. Нищая духом женщина!

Надежда чуть не вскрикнула, подумав так о себе. Истеричка! Муки, вздохи, ломание рук. Ты, достойнейшая женщина, педагог, мать двоих детей! Через все годы замужества ты свято пронесла честь жены и матери — ни единого, ни

малейшего пятнышка! И вот позволяешь себе так распуститься, так низко пасть...

И тут же одёрнула себя: перестань, дорогая, паясничать. Перед собой-то... Прожила век верной женой, а сейчас заметалось сердечко — что тут удивительного? Потому и заметалось, что всегда жила праведно. Трещинка тебе уже чудится пропастью. Бывает, что и добродетельная жена ведёт себя как пятнадцатилетняя невинность — прячет от всех какую-нибудь засохшую веточку, и кажется ей: эта веточка опасней бомбы.

Надежда с усмешкой потянула на себя нижний ящик комода, под стопкой белья нащупала старую пожелтевшую карточку: девочка Наденька с юным Серёжей Аласовым.

Вскоре после свадьбы, в один из глухих зимних вечеров Тимир долго сидел за столом, разглядывая фотокарточки и читая письма Сергея с фронта. В этой щекотливой ситуации муж повёл себя на редкость достойно. Сколько в письмах Сергея встречалось такого, что могло взорвать любого другого мужчину! А он внимательно прочёл сумасшедшие строки признаний, все ласковые слова, которыми фронтовик награждал свою далёкую подружку, ничего не стал ей выговаривать или вдаваться в подробности. Просто заметил, закончив чтение: «Это всё уже прошлое. И я тебя, Надюшка, ни в чём не виню. Однако хранить это теперь не стоит».

Она сидела перед горячей печью, и он принёс ей всю пачку. Наде ничего не оставалось, как бросить её в огонь. Треугольники писем, фотокарточки вспыхнули жарко — будто в ней самой что-то взялось огнём. Но, странное дело, вместе с болью Надя почувствовала и облегчение: что сгорело, то сгорело! Но не всё сгорело. Много времени спустя она случайно нашла в старом учебнике эту любительскую карточку и оставила её у себя, не показала Тимиру. Так, любопытства ради: какими они были тогда.

Он обнял её одной рукой за плечо, а другой нагнул ветку к самому лицу. У неё на белой кофточке пятнышко, похожее на значок. Но это не значок, а цветок сердана. На карточке он серый, а в действительности был розовый. Сергей хотел сам прикрепить цветок, но дотронулся ненароком до её тугой груди, отдёрнул руку, будто обжёгся. Уши его запламенели. Тогда она сама подняла цветок, прикрепила к блузке и улыбнулась: «Экий ты неловкий!» Тут Сенька и сфотографировал их.

Странная штука — человеческая память. Спроси, например, что тебе сказал муж поутру или как он вёл себя в прошлый понедельник? Ничего не вспомнишь. А вот про цветочек зачем-то помнишь. Про давний пустяк...

— Ау! Мама, папа! Кто дома?

Надежда не пошевелилась. Лира прошла в свою комнату, затем вернулась, выставила мордочку между портьерами:

— Мама! Ты дома, оказывается? И сидишь молчишь?

Прыгнула к матери на диван.

— А у нас новый классовод. Сергей Эргисович. Такой славный! Мальчишки стали его испытывать, эти свои штучки... А он Юрчу Монастырёва так осадил, что весь класс смеялся. Девчонки наши влюбились в него с первого взгляда. Ребята каркают: «Вот погодите, все они, учителя, одинаковые...» А ведь сразу видно, если хороший человек! Командиром был на фронте. Монастырёв Юрча ершился-ершился, а потом сам же и говорит: нужно заставить его что-нибудь про войну рассказать. Мама, я так рада! — Девушка прижалась к матери, потёрлась носом о щёку, как делала это всегда, когда была счастлива. — Ты меня слушаешь? Мама, ты здорова? Почему у тебя такое лицо?

Тут девочка увидела фотокарточку, схватила её и стала разглядывать.

— Погоди, погоди... Мамочка, да ведь это ты! И какая тощая! Ругаешь меня, что кожа да кости, а сама-то была! Эта девчонка — моя мама?

— Не родилась же я готовой мамой!

— А рядом кто такой? Погоди... — Лира быстрым взглядом стрельнула на мать, потом опять на карточку, шёпотом спросила: — Мама, это Сергей Эргисович?

Мать кивнула головой.

— И вы с ним... дружили? Да? Мамочка, что с тобой!

По лицу матери текли слёзы. Лира почувствовала, что и у неё глаза на мокром месте.

— Мамочка!

— Тише, доченька. Тише, родная моя. — Прижала девочку к себе. — Я и сама не знаю, с чего плачу. Ласточка ты моя...